

**НЕРУССКИЕ СРЕДИ РУССКИХ: ЭТНИЧЕСКАЯ
ИДЕНТИФИКАЦИЯ**

**ГУМАНИТАРНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
НЕРУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ В МОСКВЕ:
ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ**

Т.С. Гузенкова

Межэтнические отношения в столичном мегаполисе все чаще становятся объектом внимания со стороны общественности, специалистов и органов управления. Изменение этнокультурного колорита и этнорасового состава Москвы — примета и одновременно проблема российской столицы. Оживление деятельности национально-культурных обществ, объединений и ассоциаций, нарастание культурного разнообразия, усиление чувства этнической солидарности и самобытности у многих жителей Москвы, с одной стороны, и распространение бытового расизма, национальной нетерпимости и даже ксенофобии, с другой, — составляющие процесса этнизации массового сознания.

Все большая дифференциация российского общества по этническому, языковому, конфессиональному признакам, установление все новых и новых реальных и условных, осязаемых и невидимых социальных, культурных, территориальных и иных границ, в пределах которых оказались и продолжают оказываться значительные группы людей, позволяют рассматривать гуманитарно-художественную интеллигенцию — нерусскую по происхождению, московскую по месту жительства и работы как еще одну границу, через которую воспринимаются актуальные проблемы современного российского общества. В этой связи немаловажный интерес представляют ответы на следующие вопросы:

- Как выглядит общая этническая ситуация в столице и в стране глазами нерусских москвичей, относящихся к числу видных деятелей российской науки и культуры?
- Как они оценивают национальную политику России?
- Как идентифицируют себя этнически?
- Какие отношения имеют со своей этнической родиной?
- Какую роль этническое происхождение сыграло и играет в их жизни, творчестве и карьере?
- Как социально чувствует себя творческая личность, относящаяся к этническому меньшинству, в качестве гражданина России и жителя столичного мегаполиса?

Над этими вопросами размышляют видные деятели российского искусства, науки и культуры — жители столицы, представители различных национальностей.

Т.С. ГУЗЕНКОВА
*Гуманитарная интеллигенция нерусской национальности в Москве:
проблема идентичности*

Введение в проблему

В течение уже довольно длительного времени объектом моего профессионального интереса выступает республиканская гуманитарная интеллигенция ряда титульных российских этносов (1). Идея обратить внимание на московскую разнотническую интеллектуальную элиту возникла сравнительно недавно.

Почему возникла эта идея, что побудило сделать объектом этнологического изучения группу столичных деятелей науки, культуры, политики, — это следует объяснить. Ощущение ее необходимости и актуальности опиралось как на вполне осознанные и рациональные соображения, так и на некоторое интуитивное предчувствие. Тема эта планировалась как часть более общей работы, посвященной гуманитарной этнической интеллигенции. Особый интерес представляли взгляды образованной и социально активной части российского общества на современные социальные, культурные и политические процессы с различных «точек обзора» — из центра и из национальных республик.

Но как это чаще всего и бывает, подчиненная тема в конце концов приобрела в значительной мере самостоятельное значение, превратившись в отдельное исследование. И это понятно.

Настоящая работа базируется на данных серии глубинных неформализованных слабо программированных интервью с представителями московской научно-гуманитарной и художественной интеллигенции. Выбор кандидатов для опроса оказался весьма непростым. Было сразу понятно, что представителей российской науки, культуры, искусства, политики, достойных внимания и специального исследования немало, и одной книги, а уж тем более статьи, посвященной им явно недостаточно. В связи с этим пришлось ввести по крайней мере две группы критериев отбора — обязательные и желательные.

В число обязательных вошли следующие критерии.

Во-первых, интервьюируемые должны были составить немногочисленную группу, состоящую из нескольких человек. Массовый опрос в данном случае расценивался как крайне затруднительный в условиях Москвы и менее эффективный. Соответственно, нет и речи о представительной выборке, исчислении процентов, т.е. о количественном измерении полученной информации.

Во-вторых, одна национальность могла быть представлена только одним человеком, за исключением тех случаев, когда близкие родственники (отец и сын) занимаются одним делом и приняли участие в одном интервью.

В-третьих, личность должна внести заметный вклад в сфере своей деятельности: создать значительные научные труды, литературные произведения, произведения искусства, придумать и воплотить в жизнь содержательные идеи, добиться значительных творческих и профессиональных результатов.

В-четвертых, деятельность опрашиваемых должна носить гуманистический, созидательный характер.

В-пятых, (замечу, что этот критерий отбора самый субъективный, неопределенный, но вместе с тем обязательный) мой собеседник должен был внушать мне симпатию, уважение, профессиональный интерес, усиленный сознанием необходимости встретиться именно с ним. Признаюсь, что в некоторых случаях интервью предшествовали недели и даже месяцы ожидания встречи с избранным кандидатом, так что сбор интервью занял без малого два года (с августа 1996 г. по

МИР РОССИИ. 1998. N1-2

июль 1998 г.).

Как можно догадаться, за пределами этого исследования остались многие выдающиеся личности, чей талант, значительный вклад в развитие российской гуманитарной науки и культуры не вызывает никаких сомнений и заслуживает того, чтобы им были посвящены специальные работы. Некоторые из них попали и в мое поле зрения, например, поэтесса Бэла Ахмадуллина, певица Валентина Пономарева, бард Юлий Ким, танцовщик Махмуд Эсэмбаев. Они были потенциальными кандидатами, но в силу разных причин я не смогла привлечь их к участию в проекте.

Желательные характеристики группы интервьюируемых должны были учитывать такие обстоятельства, как:

—представительство мужчин и женщин. Сразу отмечу, что в числе опрошенных женщин значительно меньше, потому что отобрать и опросить соответствующие кандидатуры среди женщин оказалось гораздо сложнее, чем среди мужчин;

—мои собеседники должны репрезентировать разнообразные виды интеллектуального труда в различных сферах деятельности;

—хотелось, чтобы опрашиваемые представляли народы, имеющие как различные типы национально-государственного статуса (от титульных этносов, живущих в бывших союзных, а ныне независимых республиках, до дисперсно расселенных и не имеющих территориальной автономии народов), так и различную численность (от нескольких сот до нескольких миллионов человек).

Окончательный состав интервьюируемых включил в себя следующих лиц (перечислены по алфавиту):

1. *Г.Н. Айги* — чуваш, 1933 г.р. Поэт, переводчик, автор нескольких сборников стихов, составитель «Антологии чувашской поэзии». Произведения, в том числе и «Антология», переведены на ряд европейских языков. Лауреат премии Французской Академии им. Поля Дефея, других зарубежных издательских премий, лауреат Государственной премии Чувашии.

2. *С.А. Арутюнов* — армянин, 1932 г.р. Этнолог, социальный антрополог, доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии наук. Заведует сектором этнографии народов Кавказа в Институте этнологии и антропологии РАН. Автор более 300 научных публикаций, в том числе 6 монографий.

3. *Н.Б. Биккенин* — татарин, 1931 г.р. Философ, журналист, редактор. Доктор философских наук, член-корреспондент РАН, главный редактор теоретического и политического журнала «Свободная мысль», специалист в области анализа взаимосвязи идеологии и науки. Член ЦК КПСС с 1990 г. Депутат Верховного Совета СССР (1987-1989 гг.), народный депутат Верховного Совета СССР (1989-1991 гг.).

4. *Е.А. Гаер* — нанайка, 1934 г.р. Этнолог, кандидат исторических наук, Генеральный секретарь Совета Международной лиги малочисленных народов и этнических групп, депутат Совета Федерации 1-го созыва, в 1992-1994 гг. — заместитель председателя ГК РФ по социально-экономическому развитию Севера, в 1994-1996 гг. — заместитель председателя Комитета по делам Севера и малочисленных народов, академик Международной биоинформационной академии наук, учредитель газеты «Восход России».

5. *А.М. Городницкий* — еврей, 1933 г.р. Поэт, писатель исполнитель авторской песни. Доктор геофизики, океанолог, академик Российской академии естественных наук, автор 250 научных работ, в том числе 6 монографий. Опубликована

Т. С. ГУЗЕНКОВ А
Гуманитарная интеллегенция нерусской национальности в Москве:
проблема идентичности

но 11 книг стихов и прозы, выпущен ряд авторских дисков.

6. Отец и сын *Джавоевы* — курды. Калихан Джавоев (отец) 1948 г.р. Художник. Участник всесоюзных, всероссийских и международных выставок, член Международной федерации художников при ЮНЕСКО, член Союза художников Грузии. Давид Джавоев (сын) 1968 г.р. Филолог, художник. Участник молодежной выставки (Тбилиси, 1993 г.), член Международной федерации художников при ЮНЕСКО.

7. *Ф.А. Искандер* — абхазец, 1929 г.р. Писатель, глава международной ассоциации «Мир культуры», народный депутат Верховного Совета СССР (1989 г.), лауреат Государственной премии, международной литературной премии Малапарти (Италия), премии Андрея Сахарова. Автор ряда произведений, в том числе романа-трилогии «Сандро из Чегема».

8. *И. Йошка* — цыган, 1942 г.р. Певец, актер, композитор, поэт. Автор около 400 музыкальных произведений различных жанров. Заслуженный артист России, лауреат всероссийских и международных конкурсов. Руководил трио «Ромен», выступал на сцене «Метрополитен-опера» (Нью-Йорк).

9. *А.А. Ким* — кореец, 1939 г.р. Писатель. Автор ряда произведений, в том числе романа «Отец-лес» и автобиографической повести «Мое прошлое». Член Союза писателей России, редактор журнала «Ясная Поляна», почетный член Ассоциации корейцев России. Лауреат премии Москвы, лауреат Корейской государственной премии KBS, лауреат Немецкой евангелической премии города Мюльхайма. Действительный член Академии русской словесности.

10. *А.А. Томтосов* — якут, 1942 г.р. Историк, специалист по новейшей истории, кандидат исторических наук. Ответственный сотрудник аппарата ЦК КПСС (1989-1991 гг.). Мэр г.Якутска (1992-1994 гг.). Заместитель министра по делам региональной и национальной политики, автор «Концепции выживания, прогресса и интеграции народов Севера в современное общество». Первый председатель «Московского якутского дома».

11. *Г.И. Черноба* — украинка, 1948 г.р. Оперная певица, солистка Большого театра. Заслуженная артистка России, лауреат международных конкурсов, исполнительница более 30 ведущих оперных партий. Выступала на сценах крупнейших мировых оперных театров Италии («Ла Скала»), Англии, Канады, США, Японии и др.

Сбор информации осуществлялся, главным образом, двумя способами. Во-первых, с помощью слабо программированной беседы-интервью, в ходе которой происходил свободный обмен мнениями. Но при этом присутствовал определенный минимум вопросов, на которые я, как правило, старалась получить ответ. В их число входили вопросы:

- о роли этнического происхождения в жизни и профессиональной деятельности;
- о том, бывали ли в жизни опрашиваемых притеснения, обиды, оскорбления, связанные с нерусским происхождением;
- о знании этнического языка;
- о соблюдении в семейной обстановке этнических обрядов, обычаев, о сохранении и воспроизводстве элементов традиционной культуры в их повседневной жизни;
- об интенсивности и характере связей и отношений с этнической родиной;

— о том, кем опрашиваемые себя ощущают в этническом отношении.

Во-вторых, этнологическому анализу подвергнуты результаты профессиональной деятельности интервьюируемых — их художественные прозаические и поэтические произведения, научные труды, принятые и воплощенные в жизнь решения и проекты и т.д.

Многонациональная русская столица

Обсуждение проблемы этнической идентичности московской интеллектуальной элиты нерусского происхождения тесно соприкасается с вопросами этнической ситуации и этнического своеобразия российской столицы. В связи с чем имеет смысл обсудить некоторые аспекты, оказывающие влияние на этническое поведение, чувства и настроения немногочисленной, но весьма значимой для российской культуры части москвичей.

Москва, как и все столицы мира, — многонациональный мегаполис. В настоящее время в ней проживают представители более чем 130 народов. Наиболее крупные этнотерриториальные группы, например, украинцы и татары, насчитывают сотни тысяч человек, а самые малочисленные — состоят из нескольких десятков человек.

Официальный, идеологически декларируемый образ Москвы базируется на признании ее многонациональности, поликультурности и поликонфессиональности. Москва как исторический центр многонациональной российской культуры, как регион межэтнического согласия — предмет внимания и забот со стороны властей. «Межнациональное согласие — это стержень российской государственности. Это показатель моральной ответственности не только Москвы, но и любого другого региона, который стремится жить в единой многонациональной России», — сказал мэр Москвы Ю.М. Лужков в связи с подписанием между ним и министром РФ по делам национальностей и федеративным отношениям В.А. Михайловым «Соглашения о сотрудничестве и взаимодействии в области национальной политики...» (2).

Не нужно иметь слишком большой проницательности, чтобы увидеть в таком подходе вполне трезвый расчет и прагматические соображения московских властей. Относительно спокойная межэтническая обстановка и сохранение баланса интересов этнического большинства и этнических меньшинств — одно из важных условий устойчивого и прогрессивного развития столичного мегаполиса в общей системе мировых столиц.

И все-таки, на мой взгляд, Москва является, прежде всего, русским городом. И дело не только в том, что доля русского населения составляет здесь, по официальным данным переписи 1989 г., почти 90%. Москва исторически складывалась как центр и столица русского государства и русского этноса.

В количественном и качественном отношении в Москве воспроизводится по преимуществу именно русская культура, правда, в последнее время с довольно заметными вестернизированными инклюзиями. Москва стала центром формирования системы российского образования, русского театра и кинематографа. Здесь происходили важнейшие процессы складывания национального русского языка. В настоящий момент Москва не только сохраняет влиятельные этнокультурные

Т.С. ГУЗЕНКОВА
*Гуманитарная интеллигенция нерусской национальности в Москве:
проблема идентичности*

позиции, но и заметно усиливает их. Особенно это стало ясно в 1997 г. — в год празднования ее 850-летнего юбилея.

С этим не может не считаться 1/10 часть нерусского населения российской столицы. Жизнь людей, причисляющих себя к тем или иным этническим меньшинствам, подчинена законам жизни мегаполиса, где их культура, несомненно, придает своеобразие городу, но не меняет основного содержания жизни и, так сказать, выражения столичного лица.

Следует иметь в виду, что понятие «этнические меньшинства» в значительной мере собирательное и абстрактное. Этнические меньшинства в Москве не представляют собой сколько-нибудь организованные, сплоченные и структурированные общности с отчетливо выраженными интересами и запросами. Напротив, они отличаются значительной социальной неоднородностью и дифференциацией по ряду признаков, в том числе по уровню образования.

Наиболее высока доля лиц с высшим образованием среди московских евреев, армян и грузин. Представители этих национальностей из числа этнических меньшинств заметно больше заняты в Москве и в сфере науки, культуры и искусства. В целом же значительная часть иноэтничного населения имеет существенно более низкий уровень образования и занята не требующими высокой квалификации, нередко тяжелыми видами труда. Некоторые сферы и виды труда уже приобрели определенный этнический колорит. Так, представители северокавказских народов и азербайджанцы занимают прочные позиции в торговом бизнесе, московские вокзалы прочно освоили в качестве носильщиков татары. Московская строительная индустрия и жилищно-ремонтный сервис, особенно теневой, все больше приобретает украинский, молдавский и отчасти турецкий «акценты».

Сложившаяся дифференциация по характеру труда и уровню образования в определенной степени питает межэтническую напряженность и взаимные претензии. В Москве, без сомнения, существуют антиеврейские и антикавказские настроения, которые проявляются в различных формах — от бытовых расистско-националистических предубеждений, выражаемых лексически, до террористических актов (взрыв синагоги в мае 1998 г. в Марьиной роще относится к их числу). Подобные события вызывают ответную реакцию, усиливают настроения этнической ущемленности и ущербности представителей этнических меньшинств в Москве. По данным социологических опросов, с 1992 г. по 1998 г. среди жителей Москвы усилилась тревога по поводу возрастания числа эксцессов на межэтнической почве, у них снизилась уверенность в том, что в столице межэтническая ситуация стабильна. Наоборот, возросли ожидания возможных конфликтов (5).

Тем не менее Москва остается наиболее притягательным местом проживания для нерусского населения, особенно покинувшего места своего прежнего жительства из-за чрезвычайных обстоятельств. В общей численности беженцев и вынужденных переселенцев, зарегистрированных в Москве в 1995 г., русские составляли немногим более четверти, тогда как по России в целом их доля достигала 90%. Более половины беженцев и вынужденных переселенцев в Москве составляют армяне; значительны по численности — группы чеченцев, абхазских грузин, абхазцев, таджиков, причем в числе последних наибольшее число так называемых «нелегалов». Курдский художник Калихан Джавоев, проживавший со своей семьей в Тбилиси, также относит себя к числу вынужденных переселенцев, приехавших в Москву в 1992 г.

В целом, последние волны этнических перемещений, затронувших Москву, вызваны различными причинами: новую украинскую, молдавскую, белорусскую диаспоры можно в значительной мере назвать экономически вынужденными, тогда как кавказские и среднеазиатские в гораздо большей степени спровоцированы военно-политическими и межэтническими вооруженными конфликтами.

Таким образом, этническая обстановка в российской столице в последнее десятилетие значительно изменилась, усложнилась и приобрела тот груз с трудом решаемых проблем, которые испытывает все российское и постсоветское сообщество в целом.

Одним из способов выражения этнических чувств и реализации этноязыковых и этнокультурных потребностей для представителей этнических меньшинств стало открытие общеобразовательных школ с изучением языков, истории, культуры народов России и СНГ. В 1993/1994 учебном году таких школ было 12, а в 1997/1998 учебном году — более 40.

Определенное консолидирующее начало несут в себе этноконфессиональные объединения и национальные церкви. Из 753 зарегистрированных в 1996 г. в Москве религиозных организаций 434 находятся вне юрисдикции Московского Патриархата. В их числе по 13 буддистских, иудейских и католических, 20 мусульманских, 9 лютеранских церквей и др.(4). Они распространяют свое влияние не только через религиозную, но и через общественно-благотворительную деятельность. Многие религиозные общины имеют пункты распределения гуманитарной помощи, услугами которой пользуются отнюдь не только прихожане. Мне доводилось встречаться, например, с вполне обеспеченными неверующими москвичами евреями, которые регулярно получают в синагоге к праздникам продуктовые подарки, присылаемые из Израиля. Номинальная стоимость этих подарков невелика (хотя в данном случае особую ценность им, видимо, придает кошерность), но в них вложен иной смысл — напоминание о чувстве этнической и конфессиональной солидарности, в которой церковь стремится быть связующим звеном.

Вместе с тем, невооруженным глазом видно, что в Москве преобладает православный компонент. За величавыми, монументальными, позолоченными, отреставрированными и вновь отстроенными православными храмами религиозная жизнь других конфессий кажется тихой и малозаметной.

Один из способов консолидации этнических меньшинств в иноэтничном окружении заключается в деятельности национально-культурных обществ. Они начали создаваться в Москве в конце 80-х годов, сейчас их насчитывается около сотни. Многие из этих обществ трансформировались в национально-культурные автономии, которые взяли на себя часть работы по формированию и поддержанию тех учреждений и школ, где возможно включение этнического компонента в преподавание и другие формы социальной активности. Национально-культурные объединения стремятся продемонстрировать свою неполитизированность и лояльность по отношению к властям, особенно московским, с которыми их связывает тонкая, но прочная нить финансирования из городского бюджета.

При Комитете общественных и межрегиональных связей Правительства Москвы действует постоянное Межнациональное совещание, призванное осуществлять связь между столичным руководством и национально-культурными объединениями. Деятельность последних заметно оживил федеральный Закон «О нацио-

Т.С. ГУЗЕНКОВА
*Гуманитарная интеллигенция нерусской национальности в Москве:
проблема идентичности*

нально-культурной автономии», принятый в мае 1996 г. В настоящее время ведется работа по подготовке местного (московского) документа о регулировании межэтнических отношений в российской столице.

И все-таки, с моей точки зрения, национально-культурные общества и автономии не оказывают значительного влияния на жизнь и этническое самочувствие всех своих этнических диаспор. Национально-культурные организации живут своей сложной жизнью, ведут разностороннюю деятельность, но они включают в себя лишь небольшое число лиц из состава московских этнотерриториальных групп.

Воспроизводство членами этих диаспор собственной языковой и культурной самобытности, ее осознание осуществляются, главным образом, через систему неформальных связей, в ближайшем социальном — родственном и земляческом — окружении, в домашних праздничных застольях, когда есть повод и возможность приготовить блюда национальной кухни, послушать и спеть народные песни; в языке домашнего общения, в домашнем образовании, в личной переписке, в деловых контактах, построенных по этническому и земляческому принципам.

Возможность удовлетворить этнокультурные запросы и интересы через специальные институты (этнически ориентированные школы, библиотеки, театры, высшие учебные заведения и пр.) значительно сложнее, прежде всего потому, что в Москве их очень мало. Таким образом, жизнь представителей тех или иных национальностей в российской столице по ряду позиций принципиально отличается от той, которой они могли бы жить в столицах «собственных» национальных республик, где в течение десятилетий создавалась разветвленная государственная система развития и поддержки национальной культуры.

В Москве ощущать и проявлять себя в качестве представителя иной, нерусской, национальности — это частное дело каждого. Групповая этническая солидарность носит здесь локальный характер, иницируется, как правило, небольшим числом социально активных людей и держится в значительной мере на системе неформальных связей.

Разобщенность отчасти обусловлена также дисперсностью расселения этнических меньшинств. Исторические отголоски некогда существовавшего относительно компактного проживания отдельных этнотерриториальных групп сохранились в крайне ослабленном виде. Считается, например, что наиболее высокая доля татар, евреев и армян расселена в центральных районах столицы. Кроме того, татары предпочитают восточную и северо-восточную части города, тогда как евреи — концентрируются в северо-западных и юго-западных районах. Цыгане предпочитали селиться в районе Новодевичьего монастыря и Марьиной роши. Этнические особенности расселения до сих пор отражены в топонимии города — это Армянский переулок, Большая и Малая Грузинская улицы, Грузинский вал, Татарская улица и др.

Однако в любом случае в Москве не сложилась система компактного и относительно изолированного проживания этнических групп, как это имеет место в ряде североамериканских и западноевропейских городов (чайна тауны, итальянские, русско-еврейские кварталы, не говоря уже о негритянских гетто). Правда, есть основания предполагать, что в настоящее время на окраинах Москвы уже формируются районы со значительной долей нерусского населения из регионов массового исхода населения (Средняя Азия, Северный Кавказ и Закавказье).

Думается, что такая растворенность, разбавленность иноэтничного населения в русской среде отчасти вызывает у представителей этнических меньшинств особую признательность и благодарность тем, кто, учитывая этнокультурное многообразие мира, превращает его в факт высокого искусства.

Например, концерты знаменитого российского ансамбля «Танцы народов мира» под руководством Игоря Моисеева традиционно сопровождаются бурными овациями, особенно когда артисты исполняют танцы народов России. Несомненно, что это не только признание мастерства танцевального коллектива, но и выражение зрителями своих этнических чувств, которые в московской жизни находятся на далекой периферии общественного сознания, за исключением тех случаев, когда происходят события с криминальным содержанием и трагическими последствиями. (Намеренно не привожу в данном случае примеры, они и так активно муссируются в средствах массовой информации и на бытовом уровне.)

Тяжкий крест «пятого пункта»

Интересно отметить, что публичное обсуждение собственной иноэтничности и переживания по этому поводу деятелями науки и культуры в московской среде представлено прежде всего еврейскими и кавказскими сюжетами. Вероятно, об этом можно было бы догадаться, не прибегая к каким-либо специальным исследованиям, но тем не менее приведу в качестве примера результаты собственных наблюдений. В моих архивах существует папка под названием «Пятый пункт», куда я в течение нескольких последних лет складывала, не анализируя и не подсчитывая, газетные и журнальные вырезки, библиографические ссылки, книги, брошюры, в которых авторы или интервьюируемые затрагивали вопросы собственной этнической принадлежности или посвящали свои работы деятелям той или иной национальности.

Наступил момент, когда я вскрыла свою «копилку» и обнаружила, что все собранные материалы делятся на три весьма неравные части. Первая, самая объемная, посвящена евреям, еврейской идентичности, вкладу представителей еврейского народа в российскую культуру. Это, например, рассказы И. Милькина «Пятый пункт», биографическая повесть Леонида Браславского «Я — русский еврей», книги Анатолия Козака «Одесса здесь больше не живет» и «Евреи в русской культуре», размышления Анатолия Кобенкова «Еврей антисемитского происхождения», заметки Эдуарда Тополя «Во что верят евреи» и др.(5). В самый последний момент, когда статья была уже почти в пути в редакцию, коллекция пополнилась еще одним весьма примечательным образцом — открытым письмом Э.Тополя олигархам еврейского происхождения под эффектным названием «Возлюби Россию, Борис Абрамович!» (6, с.7).

В обсуждении еврейской темы наряду с трагизмом и чувством обиды появилась раскованность, самоирония и даже легкое кокетство с собственной национальностью. Газета «Труд», например, не без юмора поведала историю о том, как на одном из концертов Александра Градского на сцене появился Иосиф Кобзон, который, приветствуя своего коллегу, заметил, что «Саша, как и я, не совсем русский. Но многие наши коллеги могут брать с нас пример, как надо любить русский народ». На что А. Градский парировал: «Мне легче. Одной своей полови-

Т.С. ГУЗЕНКОВА
Гуманитарная интеллигенция нерусской национальности в Москве:
проблема идентичности

ной я могу любить русских, другой — нерусских. А Иосифу труднее — он должен любить русских сильнее, чем я» (7).

В настоящее время процесс надевания национальных бирок на деятелей российской культуры заметно усилился. Правда, стремление лишить этнической анонимности вклады в духовную сокровищницу приобретает иногда курьезные формы. Приведу лишь один пример. Игорь Моисеев в своих воспоминаниях описывает один анекдотический случай из своей гастрольной жизни в главе под названием «Жаль, что Моисеев не еврей». Во время гастролей танцевального ансамбля в Биробиджане, жители города оказали его руководителю особенно теплый прием, полагая, что он еврей. По этому поводу в его честь был подготовлен банкет. Но когда биробиджанцы случайно узнали, что он русский, то быстро собрали продукты со столов. И банкет не состоялся. О чем И. Моисеев, в тот момент сожалея, заметил: «Ну, побыл бы немножко евреем. Хорошо бы покушали» (8, с.62-63). И все-таки в еврей И. Моисеева записали. В уже упоминавшемся справочнике Анатолия Козака он фигурирует как выдающийся балетмейстер еврейского происхождения.

Вторая, значительно меньшая, часть публикаций затрагивает этнические чувства и настроения гуманитарной и художественной интеллигенции кавказского происхождения. В этой связи ярким примером служат горькие размышления Зураба Саткилавы по поводу термина «лицо кавказской национальности»: «Это на совести тех, кто такое придумал. Иногда доходит до абсурда. Среди множества писем, которые я получаю, было и такое: «Недавно слушала вас по радио. Вы так пели, что я даже забыла, что вы — лицо кавказской национальности». Мое сердце пронзает боль: сегодня я, уроженец Сухуми, не могу побывать на могиле своих родителей — меня туда просто не пускают как грузина» (9).

Наконец, ничтожная часть приходится на все остальные национальности. Наиболее заметной публикацией по этому поводу стало, вероятно, интервью с Аманом Тулеевым в газете «Московский комсомолец», в котором он, будучи тогда министром по сотрудничеству со странами СНГ, признался: «Чем я выше, тем больше возникает проблем на так называемой «национальной почве»... В первую очередь в голове: «Ага, он не русский, не русский, не русский...». Так меня встречают везде. С детства...» (10).

«Я впервые задумался о своей национальности...»

Учитывая все эти обстоятельства, кажется весьма актуальным и своевременным обратиться к внутреннему миру, этническим чувствам интеллектуально и духовно влиятельных личностей, создающих собственное культурное пространство, изменяющих и обогащающих мир своим созидательным трудом.

Итак, мои собеседники размышляли, отвечали на вопросы, вспоминали, спорили. Каждое интервью длилось от 1,5 до 3 часов и каждое является самостоятельным, законченным произведением. В рамках данной работы не представляется возможным привести их все в полном объеме. Надеюсь, что это будет делом недалекого будущего. В данной работе осуществляется отбор и анализ наиболее важных, типологически сходных, существенных сюжетов, присутствующих как в интервью, так и в результатах интеллектуального труда опрошенных.

Все интервью, по моей просьбе, начинались с биографического рассказа. Жиз-

ненный путь каждого из представленных здесь людей, с одной стороны, уникален и неповторим, с другой, почти каждый несет в себе типичные черты, присущие той или иной эпохе. Обращу внимание на некоторые моменты. Прежде всего, все они не коренные москвичи. Место рождения каждого из них весьма точно соответствуют характеру и особенностям расселения соответствующей этнической группы и тесно связано с тем, что называется этнической территорией. Так, якут А. Томтосов родился в Якутии, нанайка Е. Гаер — на Дальнем Востоке в Хабаровском крае, украинка Г. Черноба — подо Львовом, татарин Н. Биккенин — в Казани и т.д.

Прося своих собеседников вспомнить детские и юношеские годы, рассказать о своих родителях, о ближайшем социальном окружении тех лет, я задавала вопрос и о том, когда (в каком возрасте) они впервые подумали о своей национальности, при каких обстоятельствах осознали свою этническую инаковость и как ее воспринимали. Следует отметить, что ответы на эти вопросы коррелируют с данными, полученными в ходе массового опроса в Чувашской республике в 1995 г., а также во время обследования титульной интеллигенции этой же республики в 90-е годы.

Результаты опросов показали, что первый опыт межэтнического общения (и отнюдь не всегда идиллический) чаще всего приобретает еще в школе в среде сверстников, во время дальнейшей учебы, которую нередко приходится продолжать в городе, а также в армии. В ответах моих собеседников в этом смысле отражены многие из тех ситуаций, о которых мы узнали «в поле». Но массовый материал предоставляет сухие цифры, за ними стирается индивидуальная судьба и личностные переживания отдельного человека. В данном же случае далекие детские и юношеские переживания творчески одаренных людей, облаченные в художественные образы, приобретают качество неповторимости и одновременно высокого обобщения.

Вот что рассказывает Александр Городницкий: «Я задумался о своей национальности, когда мне объяснили, кто я такой. Это было в четвертом классе, во дворе дети в довольно грубой форме дали мне понять, что я изгой. После этого я очень не хотел быть евреем, мне казалось, что я, такой хороший, и вдруг со мной это произошло, почему? Мне было очень стыдно, и это самое ужасное. Произошло это в эвакуации в Омске. Кстати, по этому поводу у меня есть стихотворение «Воробей»:

*Было трудно в первое время
Пережить свой позор и испуг,
Став евреем среди неевреев,
Не таким, как другие вокруг.
Отлученным капризом природы
От ровестников шумной среды.
Помню, в Омске в военные годы
Воробьев называли «жиды».
Позабыты великие битвы,
Голодающих беженцев быт,
Ничего до сих пор не забыто
Из мальчишеских первых обид.
И когда вспоминаю со страхом
Невеселое это житье,*

Т.С. ГУЗЕНКОВА

*Гуманитарная интеллигенция нерусской национальности в Москве:
проблема идентичности*

*С бесприютною рыжею птахой
Я родство ощущаю свое,
Под чужую забившейся кровлю
В ожидании новых угроз.
Не орел, что питается кровью,
Не владыка морей альбатрос,
Не павлин, что устал от ужасов,
И не филин, полуночный тать,
Не гусак, заплывающий жиром,
Потерявший способность летать,
Только он мне единственный дорог,
Представитель пернатых жидов,
Что, чирикавая, пляшет «семь сорок»
На асфальте чужих городов (11, с.57-58).*

У Алексея Томтосова негативные воспоминания, связанные с пренебрежительным отношением к его национальности, сохранились со времен армейской службы, но там же он получил и пример интернациональной поддержки со стороны товарища: *«В армии я впервые почувствовал, что я нерусский. В части, куда я попал, один из непосредственных командиров, капитан, оказался настоящим расистом. Я был по тем временам (а в армию меня призвали в 1960 г.) очень образованным человеком — имел 10 классов. Сейчас это, наверное, равносильно доктору наук. Капитана это сразу задело, и он начал меня оскорблять. Моим первым желанием было врезать ему как следует. И я бы это сделал, но за меня заступился один матрос-старослужащий, который возмутился поведением капитана. Капитан переключился на матроса, пытался его наказать тремя нарядами вне очереди. Но тот его послал далеко, и на этом инцидент закончился. Именно тогда я почувствовал, что люди бывают разные, с одной стороны, шовинисты, расисты, с другой — благородные. А с этим матросом мы потом подружились» (12).*

Фазиль Искандер, по его словам, особенно не задумывался над своей национальностью. *«Я никогда не испытывал какого-то национального ущемления — ни в школе, ни в московских институтах. Для меня в моей личной судьбе национальный вопрос никогда не стоял остро... Я никогда не испытывал, что кто-то каким-то образом из-за моего этнического происхождения недооценивает меня. В этом вопросе я был достаточно спокоен» (13, с.40-41).*

Геннадий Айги рос в многонациональной среде Среднего Поволжья. Его отец, сельский учитель, опасаясь нового ареста (первый он пережил в 1934 г. и год провел в концентрационном лагере), ежегодно переезжал на новое место. Г. Айги родился в чувашской деревне в полутатарском районе, одна сестра — в другой чувашской деревне, вторая сестра — в татарской. Некоторое время семья жила в мордовском селе. Сам поэт, по его словам, только впоследствии понял, что это обстоятельство было важным для него (14, с.25).

Уже из приведенных примеров видно, что индивидуальные обстоятельства осознания собственной этнической принадлежности составляют целую гамму жизненных ситуаций, которая отражала как идеологические, так и обыденные реалии советского общества различных десятилетий, но в тоже время каждый проживал свою неповторимую судьбу, составленную из множества линий и поворотов.

«В Москву! Ведь я давно, всегда хотел в Москву...»

Выбор Москвы в качестве места жительства и приложения творческих сил не был случаен или предопределен чужой волей. Это было вполне сознательное волевое решение, к которому одна часть наших героев пришла в ранней молодости, а другая — в более зрелом возрасте.

В любом случае ясно, что этих креативных личностей влекла в Москву жажда деятельности, здоровое честолюбие, сознание того, что только здесь они могут реализовать себя в полной мере и воплотить свои жизненные планы. Место их прежнего проживания в силу своей провинциальности, ограниченности возможностей казалось (кому-то почти с самого начала, кому-то позже) исчерпанным и не дающим перспективы для дальнейшего продвижения.

Геннадий Айги, Наиль Биккенин, Сергей Арутюнов, Фазиль Искандер, Анатолий Ким, Галина Черноба приехали в Москву в разное время. Но все они были в момент приезда совсем молодыми людьми, одни из них мечтали поступить (и поступили) в московские вузы, другие — недавние выпускники — приехали для того, чтобы покорить своим талантом столицу и получить престижную работу. Евдокия Гаер, Александр Городницкий, Алексей Томтосов, Калихан Джавоев стали жителями столицы в зрелом возрасте, но и для них этот переезд также был в значительной мере связан со стремлением более полно реализовать свой творческий потенциал и жизненные планы.

Изучая биографии, жизненный и профессиональный путь героев данной работы, я пыталась выяснить, какую роль в их жизни сыграл факт их нерусского происхождения. Способствовал ли он их социальному и профессиональному продвижению или, наоборот, тормозил его. В какой мере он вообще присутствовал в их жизни. Конечно, исчерпывающих и однозначных ответов получить на эти вопросы не удалось и вряд ли когда-либо удастся. Слишком это тонкая, многозначная, изменчивая во времени и социальном пространстве «материя».

И все-таки отчасти уловить противоречивое, нередко разнонаправленное действие фактора этнического происхождения в жизни интересующих нас людей можно.

Есть основания полагать, что в ряде случаев фактор «инородности» до некоторой степени повышал конкурентоспособность молодых людей на ранних этапах их жизненной карьеры и был определенным аргументом в их пользу. Прежде всего это относится к поступлению в вузы. В данном случае я ни в коей мере не подвергаю сомнению их талантливость, степень подготовленности и прочие достоинства. Но сам факт даже самостоятельного (а уж тем более присланного по разнарядке) появления представителя иного, особенно малочисленного народа в числе абитуриентов не мог оставаться незамеченным и скорее всего так или иначе учитывался при зачислении на учебу.

Известно, например, что народы Севера и Дальнего Востока традиционно патронировались Ленинградом, где представители так называемых коренных народов могли получить или продолжить образование не только в Институте народов Севера, позднее преобразованном в факультет с тем же названием в составе педагогического института им. А.И. Герцена, но и в других вузах северной столицы. Кстати, именно там учился в аспирантуре в ЛГУ Алексей Томтосов, тесные контакты с ленинградскими учеными поддерживала и продолжает поддерживать Евдокия Гаер.

Т.С. ГУЗЕНКОВА
Гуманитарная интеллигенция нерусской национальности в Москве:
проблема идентичности

В ряде художественных вузов и училищ (в Литературном институте им. А.М. Горького и на Высших литературных курсах в его составе, в балетных училищах при ГАБТ в Москве и им. А.Я. Вагановой в Ленинграде, в Государственном институте театрального искусства им. А.В. Луначарского и др.) действовала система регулярного набора и обучения национальных групп студентов, большинство которых после окончания учебы работало в соответствующих республиках. В Литературном институте в разное время учились, правда, поступив туда самостоятельно, а не как «национальные кадры» Г. Айги, Ф. Искандер, А. Ким.

Играф Йошка, цыган венгерского происхождения из группы лавари, получил свое музыкальное образование в конце 50-х — начале 60-х годов в Свердловском музыкальном училище, затем в Киевской консерватории. В начале учебы он плохо говорил по-русски, а в Киеве еще добавились и трудности, связанные с освоением украинского языка. Но вместе с тем цыган, обучающийся в вузе, столь редкое явление даже в наши дни, не говоря уже о временах 30-40-летней давности, что студент Йошка воспринимался до известной степени как экзотика и дискриминации по отношению к себе не испытывал.

В свою очередь Анатолий Ким, юноша корейского происхождения, приехав в 1956 г. в Москву с Сахалина учиться на художника, встретил спокойное отношение окружающих к своему антропологическому своеобразию. В школьные годы, учась в русских школах вначале в Средней Азии, а затем на Дальнем Востоке, ему не раз приходилось в мальчишеских драках, слыша пренебрежительное: «Ну, ты, кореец!», защищать свою честь. В столице, где он оказался один и где, по его словам, о корейцах ничего не знали и не слышали, его национальность мало кого интересовала. Тем более вопрос о национальности не стоял в рабочей среде, где Ким оказался в качестве строителя после неудачного поступления в художественное училище (15). Однако во всем этом проглядывало холодное равнодушие огромного мегаполиса к жизни и проблемам одинокого представителя далекого немногочисленного народа, рассеянного по огромной территории Дальнего Востока, Сибири и Средней Азии. Переживания по поводу расовой и этнической дискриминации остались связанными в большей степени с родными местами и районами депортации.

Таким образом, следует еще раз отметить, что в ряде случаев факт нерусского происхождения мог отчасти давать некоторую привилегию, впрочем, далеко не решающего характера. Кроме того, это выступало внешним по отношению к индивидуальным обстоятельствам, характеризующим сферу национальной политики. В индивидуальном же сознании, во внутреннем мире, в поведении исследуемых людей, особенно в их раннем возрасте, он нередко воспринимался совсем по-иному. Для некоторых из них приезд в Москву для обучения и с надеждой на дальнейшее проживание означал отчасти и бегство от своей этносоциальной среды, в которой они провели детство и юность. Провинциальная жизнь была для них слишком ограничена, она не давала перспективы для реализации их больших и отчасти тщеславных жизненных планов и творческих устремлений. *«В Москву! Я ведь давно, всегда хотел в Москву! Там живут семь миллионов людей, там я вбегу, как отбившаяся звезда, в огромную толпу пылающих жизней — в звездный рой человеческих надежд, кружащий вокруг древней крепости с тонкими баинями»*, — восклицает герой повести А. Кима «Поклон одуванчику» (16, с.66). Похоже, что устами своего литературного персонажа писатель высказал собственные мысли.

«В детстве и особенно в педучилище у меня было желание бежать отсюда, из Чувашии, как можно дальше, чтобы узнать мир. Я ухаживал за русскими девочками, а не за чувашками, потому что они мне казались более открытыми, прямыми, а наши уж очень были скромненькими. В детстве и в юности я считал, что все те песенки, которые меня окружают, — это примитив. К фольклору я не испытывал никакого интереса, наоборот, относился к нему пренебрежительно. Я знал, что есть более высокое слово, к которому я тянулся, прежде всего к русской поэзии», — признался Геннадий Айги (14, с.30).

Этническое самосознание Сергея Арутюнова сформировалось, по-видимому, в самом раннем возрасте. *«Сознание того, что я армянин не покидало меня никогда», — признался он в своем интервью. Вместе с тем его творческие планы были настолько обширны, что в тбилисской интеллектуальной среде они едва ли могли воплотиться в полной мере. Ребенок, родившийся в этнически-смешанной армяно-русской семье, получил прекрасное домашнее образование, знал несколько языков. Предки по материнской линии имели отношение к российскому флоту, бывали в Японии. В доме мальчика хранились их воспоминания и вещи, привезенные отсюда. С раннего детства С. Арутюнов испытывал интерес к Востоку и твердо решил специализироваться на изучении восточных культур. «К 13 годам мое мировоззрение полностью сформировалось и в отношении жизненных целей. Мой жизненный путь был совершенно четко мною расписан. Как ни странно покажется, но это расписание почти полностью было исполнено. Вплоть до того, что я уже тогда поставил себе цель быть избранным в Академию наук и примерно к тому самому времени, к какому это на самом деле произошло. Книги и диссертации, которые я хотел написать — это все было запланировано в возрасте 13 лет» (17). Воплощать в жизнь свои мечты, которые были неизмеримо шире его этнического статуса и сильнее регионально-национального патриотизма, Сергей Арутюнов приехал в Москву в 1950 г., где живет и по сей день.*

Этническое происхождение Александра Городницкого сыграло гораздо более драматичную роль при его вступлении во взрослую жизнь. *«На дворе был 1951 г., и евреев в Ленинградский университет, носивший гордое имя А.А. Жданова, не принимали... Что же было делать? Я никогда не увлекался геологией или минералогией, не собирал камни и, по существу, никакого понятия не имел об этой специальности. Меня привлекала, скорее, не профессия, а нравился образ жизни. Яд сталинской антисемитской пропаганды до такой степени корродировал мое полудетское сознание..., что я сам себе казался человеком второго сорта, неженкой и белоручкой, ничего не умеющим. Я мечтал стать «настоящим мужчиной», закаляющим свой дух и тело постоянными трудностями и героическими подвигами. Хотелось доказать всем (и себе), что я не хуже других» (18, с.39,45). В результате А. Городницкий поступил в Горный институт, где, по его мнению, «национальный ценз» был гораздо менее жестким, чем в университете. Таким образом, будучи гуманитарием по складу ума и по интересам, Городницкий в результате стал профессором геофизики, что сам он называет до известной степени недоразумением (11, с.58). (Замечу, недоразумением, возникшим на национальной почве, и длиною в целую жизнь.)*

Судя по воспоминаниям и раннему творчеству опрашиваемых, этническое самосознание играло незначительную роль в становлении и раннем развитии творческой жизни этих талантливых, активных и созидательных личностей. Оно нахо-

Т.С. ГУЗЕНКОВА

**Гуманитарная интеллигенция нерусской национальности в Москве:
проблема идентичности**

дилось на периферии личностных характеристик. Гораздо более важным и интересным для них был общемировой и русский культурный и исторический контекст. Это были люди, которые во что бы то ни стало стремились преодолеть узость и ограниченность тех возможностей, которые им предоставляла их малая родина или их национальность, как это случилось с Александром Городницким. Перспектива оказаться в более престижной, интеллектуально насыщенной, творчески рафинированной среде толкала на смелый поступок — вступить в состязание со многими другими претендентами ради того, чтобы занять желаемое место.

Галина Чернова, окончив Львовскую консерваторию, известную своими традициями и громкими именами выпускников, решила испытать свою судьбу и поступить на стажировку в Большой театр. Для этого ей пришлось пройти отборочный конкурс во Львове и три тура прослушивания в Большом. Естественный страх провалиться, не выдержать испытания отступал перед желанием рискнуть, попробовать свои силы в лучшем театре страны. *«Когда я получила приглашение на прослушивание в Москву, меня очень поддержала мама. У меня была двухгодовалая дочка. Мама сказала: «Езжай дытьно, хочь Москву побачишь, я з малою побуду». Я и поехала с мыслью побыть в Москве, по крайней мере дочке потом сказать, что пела на сцене Большого театра. Мною овладело вдохновение, даже один тур прослушивания пройти, и то уже хорошо. На прослушивание приехало больше 150 человек. Сейчас мне даже не верится, что это была я. Когда я вошла в зал, мне стало страшно. Передо мной сидели Образцова, Архипова, Милашкина, Огнивцев, Мазурок, Ведерников. До этого я их видела только по телевизору. Я выбрала короткую и очень трудную выходную арию Чио-Чио-сан с ре-бемолем наверху. И я ее взяла... Когда огласили результаты прослушивания, я услышала свое имя в числе победивших. Всего нас было четыре человека. Теперь мне кажется, что все это можно было выдержать только по молодости и по глупости. Я ведь приехала в Москву, как дитя природы. И вот уже 23 года пою»* (19).

В раннем творчестве большинства из них почти отсутствуют признаки, выдающие их собственную этническую принадлежность. В этот период она является их личной характеристикой, конечно же придает некоторое своеобразие мировосприятию, но еще не составляет элемента профессиональной деятельности, не становится поводом для творчества.

Фазиль Искандер признался, что в его стихах (а начинал он как поэт) абхазская тема занимает гораздо меньшее место, чем в зрелых вещах.

На Геннадия Айги в период его обучения в Литературном институте огромное идейное влияние оказал Борис Пастернак, с которым он состоял в дружбе. Юный поэт зачитывался произведениями Ницше и Бодлера, боготворил Маяковского. Он составил себе огромный список того, что нужно знать и стал переписывать прочитанные книги в общие тетради, намереваясь перечитывать их в деревне, куда, как он думал, ему придется вернуться. Айги переписал ряд стихотворных книг Николая Гумилева, так как был уверен, что они никогда не будут переизданы. *«В тот период национальных порывов я не испытывал, но и порывать с чувашской литературой я не мог и не хотел. Формой связи для меня тогда стал перевод»* (14, с.28). Университетская дипломная работа Алексея Томтосова была посвящена американо-вьетнамской войне и называлась «Агрессия США в Юго-Восточной Азии». На вопрос, почему сферой его интересов стали международные отношения, а не якутские проблемы, А. Томтосов ответил, что он вырос не в сельской местности и не в семье якутской

интеллигенции, поэтому был далек от якутской истории и якутского языка, и гораздо больший интерес у него вызывала всемирная история. В 1968 г., в период обучения в аспирантуре в ЛГУ, Алексей Томтосов прошел стажировку в США, впоследствии защитил кандидатскую диссертацию на тему «Общественно-политическая деятельность Мартина Лютера Кинга».

В 1968 г. выходит в свет книга Сергея Арутюнова «Современный быт японцев», как определенный итог его научно-исследовательской работы 50-х — середины 60-х годов. Играф Йошка пишет свои симфонические произведения, Евдокия Гаер в 1956 г. оканчивает Хабаровский педагогический институт и получает специальность преподавателя истории, русского языка и литературы. Александр Городницкий вытравляет отрицательные черты, якобы свойственные представителям его национальности, в многомесячных геологических экспедициях на Крайнем Севере, где в первый, 1957, год в его весьма опасные своими последствиями обязанности входил попутный поиск урана.

Атмосферу тех лет он выразил так: *«Мы были молоды, полны неизрасходованной энергии, чувствовали себя нераздельной частью великого народа, победившего недавно фашизм в грозной войне... В нас еще устойчивы были иллюзии всеобщего братства и общности советских людей, не было еще армяно-азербайджанской резни на Кавказе, погромов в Оше и автоматной стрельбы в Вильнюсе»* (18, с.82). Думается, что в тот период нечто подобное испытывали и переживали многие советские люди, в том числе и герои настоящей, работы.

Начало профессиональной деятельности и научного творчества Наиля Биккенина во многом сходно с остальными, кто приехал в Москву за знаниями, за профессией и не в последнюю очередь за мечтой. Но на его карьере стоит обратить особое внимание. В 1949 г. житель столицы Татарии, казанский татарин (как было указано в паспорте), выходец из семьи врачей, Наиль Биккенин поступил в МГУ на философский факультет. Свою трудовую деятельность он начал в 1958 г. в журнале «Вопросы философии», затем продолжил ее в 1963-1966 гг. в журнале «Коммунист» в качестве консультанта в философском отделе. Ничто профессионально не связывало его в этот период с татарской этничностью.

Вместе с тем юношеское стремление избавиться от провинциальности, преодолеть интеллектуальную ограниченность прежней среды, желание усвоить мировые духовные ценности и достижения и сделать их частью своего мировоззрения не означали ни отказа от этнической идентичности, переданной родителями, так сказать, по наследству, ни полного растворения в иноэтничном — русско-восточноевропейском — окружении.

Это можно рассматривать как метафору, но представляется, что находясь в ранние годы на периферии сознания, маловостребованная на определенных этапах, этническая идентичность постепенно «сплавлялась» с приобретаемым жизненным опытом, профессиональными знаниями и получала иное качество. Она становилась не только отличительным знаком, не только культурной и антропологической отметиной, которая, с одной стороны, нередко делала ее обладателя чужим и экзотичным, а с другой, — не давала совсем потеряться в столичной «толпе», но что особенно важно, превращалась в дополнительный, нередко весьма существенный, стимул к творчеству и созидательной деятельности.

Т.С. ГУЗЕНКОВА
Гуманитарная интеллигенция нерусской национальности в Москве:
проблема идентичности

«Я помнил, ради кого я это делал...»

Следует отметить, что почти все мои собеседники довольно рано осознали сильные стороны своей этнической «инородности» и сумели направить ее во благо себе. Постепенно создавая свой неповторимый мир, они преобразили пресловутый «пятый пункт» в блистательные образы, состоящие из слов, мелодии и красок, из научных текстов и художественного вымысла, из сухих постановлений и поэтических строк, из немых живописных полотен и прекрасного женского сопрано.

В первых поэтических произведениях Фазиля Искандера и Анатолия Кима национальная тема не присутствовала вовсе. Молодые поэты переживали и излагали в них наднациональные общечеловеческие и философские проблемы. Но уже в раннюю прозу привнесен этнический колорит, который позднее станет отличительной чертой творчества писателей.

Анатолий Ким рассказывает об этом так: *«Когда я начал писать прозу, у меня были попытки описать пережитое, детство. Я довольно много всего написал, но потом уничтожил, потому что все это было крайне подражательно. Я ощущал языковой барьер, чувствовал, что у меня нет русского художественного языка. К тому времени я уже отслужил в армии, вел довольно суровую жизнь, работал вначале на стройке, потом устроился на суточные дежурства, чтобы, отдежурив, можно было потом несколько дней подряд писать. И уже было написано довольно много прозы, которая меня не устраивала. Это для меня была большая проблема. И вдруг в какой-то момент язык появился. И появился он как раз в тех произведениях, где затрагивалась национальная тема, когда у меня появились герои — сахалинские корейцы. Моя первая книга «Голубой остров» почти вся состоит из рассказов, где персонажи в основном корейцы. Когда я стал описывать корейскую душу на русском языке, у меня появился свой русский язык»* (15).

В прозе Фазиля Искандера главные и самые любимые герои — это абхазцы и Абхазия. *«Я думаю, что тут можно выделить два факта, — размышляет по этому поводу сам писатель. — С одной стороны, это мой интерес к патриархальным формам жизни, которые я видел и с любовью воспроизводил. С другой стороны, я все зрелое время своей жизни прожил в Москве и, естественно, имел эдакую незлокачественную форму ностальгии по Абхазии. Я думаю, что такая ностальгия полезна. Она вызывает воспоминания о том месте, где родился, вкус к языку, природе, климату... В прозе я опирался, главным образом, на абхазский материал, хотя я воспитан русской культурой и самый для меня большой писатель, который потрясал меня всю жизнь, — это Лев Николаевич Толстой. Но мне казалось, что я буду интереснее для читателей, если свой опыт абхазской жизни расскажу им по-русски»* (13, с.41).

Калихан Джавоев, поступая в 1980 г. в Московский художественный институт им. В.И. Сурикова, не просто ощущал себя курдским художником, но продемонстрировал это в своем творчестве. В ранних работах К. Джавоева преобладала национальная тематика. Курдам и курдской истории была посвящена также и дипломная живописная работа художника.

Евдокия Гаер, получив специальность учителя русского языка и литературы, очень скоро обратила свое профессиональное внимание к этнографии нанайцев. С 1973 г. она работала в Институте истории при Дальневосточном научном центре АН СССР. В 1980 г. Гаер стала соавтором учебника нанайского языка, а в

1984 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Традиционная бытовая обрядность нанайцев в конце XIX — начале XX веков. (К проблеме устойчивости традиций)».

У Александра Городницкого первые стихи, посвященные еврейской теме, были написаны в 60-е годы.

*У евреев сегодня праздник.
Мы пришли к синагоге с Колькой.
Нешто мало их били разве,
А гляди-ка — осталось сколько!
Русской водкой жиды согрелись,
И, тихая друг друга боком,
Заплясали евреи фрейлехс
Под косые взгляды из окон.*

*Ты проверь, старшина, наряды,
Если что — подымай тревогу.
И чему они, гады, рады? —
Всех ведь выведем понемногу.
Видно, мало костям их прелось
По сырым и далеким ямам.
Пусть покуда попляшут фрейлехс —
Им плясать еще, окаянным!*

*Выгибая худые выи,
В середине московских сует,
Поразвесив носы кривые,
Молодые жиды танцуют.
Им встречать по баракам зрелость,
Да по кладбищам — новоселье,
А евреи танцуют фрейлехс,
Что по-русски значит — веселье (20, с.89).*

Это стихотворение, в котором отражено зрелое восприятие антисемитской проблемы в советском обществе, написано Городницким в 1964 г.

К середине 60-х годов у молодого талантливого московского востоковеда-япониста Сергея Арутюнова завязались тесные профессиональные отношения с армянскими коллегами. В течение всех последующих лет эти отношения углублялись и развивались. По этому поводу С.А. Арутюнов сказал в своем интервью следующее: «Я убежден, что грузинские и армянские интеллигенты были одновременно и русскими интеллигентами, именно русскими, а не российскими. Наша культурная трагедия заключается в разведении этих понятий.

Эта моя убежденность в конечном счете привела меня к контакту с моими армянскими и грузинскими коллегами на профессиональном уровне. Существенным рубежом в этом смысле был VII Международный конгресс антропологических наук, который проходил в Москве в 1964 г. На нем завязались эти профессиональные контакты, я перезнакомился с людьми, которых до этого не знал.

Т.С. ГУЗЕНКОВА
Гуманитарная интеллигенция нерусской национальности в Москве:
проблема идентичности

Начиная с 1972 г., я стал регулярно ездить в Ереван и преподавать в университете. С этого времени выпускники кафедры этнографии в какой-то степени, я думаю, они сами не откажутся от этого, являются и моими ученикам» (21).

Для Геннадия Айги поначалу тонкой интеллектуальной нитью, связывающей его с этнической родиной, которую он покинул в 50-е годы и с которой впоследствии у него складывались очень непростые отношения, был перевод мировой поэзии на чувашский язык. Затем добавилась еще одна нить — перевод чувашской поэзии на европейские языки. Это стало на долгие годы одним из важнейших направлений творческой деятельности и этнокультурной реализации поэта с мировым именем. *«Прошло 25 лет, как я начал заниматься созданием и переводом чувашской поэтической антологии на французский язык. За это время «Антология» вышла на итальянском, венгерском, английском языках... Когда я занимался этой работой, я чувствовал себя мазохистом, потому что в этот период я испытывал самые большие материальные трудности... Раствапывание и унижение меня в этот период велось небывалое. Самые кошмарные годы были с 1975-го по 1985-й. Мое имя вычеркивали при любых упоминаниях... Но я помнил, ради кого это делал, и это стоило таких усилий» (14, с.31-32).*

Таким образом, можно с известной долей уверенности утверждать, что эти люди уже на ранних этапах своего профессионального формирования не только не отказались от своей национальности, но и постарались использовать ее для достижения творческой карьеры, для создания собственного лица и утверждения места в жизни.

Национальность — только факт личной биографии

Жизненный путь и избранная сфера деятельности двух других обследуемых — Н.Б. Биккенина и А.А. Томтосова во многом предопределили иное развитие этнической идентичности. Молодой философ со столичным университетским образованием, Наиль Биккенин, начал свою трудовую деятельность в 1953 г. в журнале «Вопросы философии», затем с 1963 г. по 1966 г. являлся консультантом в философском отделе журнала «Коммунист». С 1966 г. по 1990 г. работал в аппарате ЦК КПСС, был заместителем заведующего отделом, заведующим сектором журналов, членом ЦК КПСС. В 1991 г. Наиль Бореевич вернулся в журнал «Коммунист» (впоследствии «Свободная мысль») в качестве главного редактора.

Длительная работа в аппарате ЦК КПСС, высокое должностное положение в партийной иерархии, философское образование, служебные обязанности, далекие от сферы национальных отношений, наконец, профессиональный интерес к философско-теоретическим проблемам, научного познания — все это заставляло Биккенина забыть о своей национальности. В партийной и научной работе, в общественной деятельности татарское происхождение никак себя не проявляло и, скорее всего, не имело сколько-нибудь существенного значения. Это был не более чем факт его биографии, его личные, глубоко спрятанные от посторонних глаз переживания, которые Наиль Бореевич испытывал как частное лицо, но отнюдь не как государственный деятель.

До сих пор Н.Б. Биккенин, по его признанию, не проявляет особого интереса к существованию татарско-московских организаций, избегает публичной демонстрации чувства этнического патриотизма и крайне неохотно откликается на попытки вовлечь

его в общение с татарами: *«Как-то я пришел по приглашению в татарское общество. Там собрались все местные знаменитости. Среди них был самый знаменитый на тот момент — профессор-химик Мирзоев, вокруг которого разгорелся скандал. Я с ними со всеми вежливо познакомился. Но такого желания, чтобы познакомиться с человеком, потому что он татарин, у меня не возникает. Из татар за все эти годы в Москве я постоянно общался только с двумя приятелями, и то не потому, что они татары: просто я с ними учился. Это — ныне академик Согдеев, с которым мы кончали вместе школу и геолог Гумер Зайнуллин, хороший парень, который что-то важное разведal и его перевели в Москву»* (22). Н.Б. Биккенин вспоминает лишь несколько смешных несущественных эпизодов, связанных с его национальностью. Единственное, что он никогда и никому не позволял — так это изменять свое имя и отчество. *«Мне иной раз жаловались, что трудно выговаривать мое имя и отчество, предлагали как-то его упростить. Но я всегда это отвергал, мотивируя тем, что так меня назвали мои отец и мать, и всякое искажение было бы неуважением их памяти»* (22).

За все годы партийной работы у Н.Б. Биккенина не возникало чувство, что его этническое происхождение играет хоть какую-нибудь роль в его карьере (подобная мысль ему пришла в голову значительно позже). С точки зрения этнической солидарности и взаимопомощи он был совершенно одинок, но это одиночество он не ощущал и не нуждался во внутриэтнической групповой поддержке.

В какой-то мере сходна судьба и Алексея Томтосова, прошедшего различные должностные ступени крмсомольско-партийного функционера, начиная с секретаря комсомольской организации в подразделении во время службы в армии и заканчивая сотрудником аппарата ЦК КПСС. Якутская тема совсем не занимала Томтосова, который и в годы партийной карьеры сохранил вкус к научно-аналитической работе, став автором ряда статей о негритянском движении в США, об Аляске, о народах Севера. В 1990 г. Алексей Александрович написал «Концепцию выживания, прогресса и интеграции народов Севера в современное общество».

По его признанию, он никогда не писал на две темы: одна из них — якутская, другая — партийная (12). Сложившиеся обстоятельства привели Томтосова в кресло сотрудника отдела национальной политики ЦК КПСС. Здесь пригодились его знания о национальном вопросе в северо-американской истории. Но Якутия и якуты никогда не выступали самостоятельными объектами его интеллектуальных построений, хотя Якутия оставалась его родиной и местом прошлой работы. «Наверху» он воспринимался прежде всего как историк-международник, знаток негритянского движения и проблем народов Севера, который «случайно» оказался якутом. Его этническая принадлежность в этом контексте не играла сколько-нибудь существенной роли и, вероятнее всего, мало проявляла себя.

Рассматриваемые в данной работе биографии едва ли позволяют делать категорические обобщения и строгие выводы. Да, собственно говоря, они и не должны трактоваться как некий фактический материал, предназначенный для безусловных и окончательных заключений. Но на некоторые немаловажные соображения они наталкивают и кое к чему заставляют приглядеться более пристально. В частности, эти жизненные истории показывают, что факт принадлежности к этническому меньшинству, ощущение «инородности» может способствовать вдохновению и становиться важным элементом рационального и образно-эмоционального познания и самовыражения в сфере научно-гуманитарного труда и художественного творчества.

Т. С. ГУЗЕНКОВА
Гуманитарная интеллигенция нерусской национальности в Москве:
проблема идентичности

Профессиональная же занятость в партийной системе советского образца, особенно на ее высоких иерархических ступенях, наоборот, отчуждала этническую идентичность индивида, делала ее несущественной, превращала в малозначительный биографический факт, который скорее всего учитывался, но в совсем иной системе координат. Быть представителем этнического меньшинства, но при этом не придавать значения своей национальности и разделять интернационалистскую партийную идеологию — одно из основных условий успешной партийной карьеры, о чем и свидетельствуют служебные продвижения Н.Б. Биккенина и АА Томтосова.

«Приходится возвращаться...»

Истории жизненных путей всех опрошенных обнаруживают еще один весьма существенный момент. В их творчестве, в профессиональной и общественной деятельности, в личной судьбе и в сознании этническое постепенно усиливалось, проявляя себя все более определенно. В ряде случаев оно повлияло даже на изменение сферы интересов и интеллектуальных поисков. Мало того, некоторые из моих собеседников в последние годы стали, до известной степени, знаковыми фигурами, представляющими и даже олицетворяющими определенный этнос и его культуру.

Сергей Александрович Арутюнов, пройдя через увлечение Японией и ее культурой, археологией и этнографией циркумполярного региона, стал профессиональным кавказоведом. С 1989 г. и до настоящего времени он заведует сектором этнографии народов Кавказа в Институте этнологии и антропологии РАН. Из под его пера вышли многие десятки работ, посвященные проблемам Кавказа в целом и культуры армянского этноса — в частности (23). С.А. Арутюнов известен своей миротворческой позицией, гуманистическим подходом в оценке межэтнических конфликтов в Кавказском регионе (24).

Галина Черноба в течение многих лет поддерживает тесные творческие контакты с Львовским театром оперы и балета, где начиналась ее карьера певицы и где она регулярно выступает перед своими земляками и педагогами. В Москве Галина Иосифовна — постоянный участник Украинского музыкального салона.

Геннадий Айги уже в течение многих лет занимается переводом на европейские языки антологии чувашской поэзии. Кроме того, он поэтически переосмыслил и интерпретировал чувашский фольклор, тот самый, который в 50-е годы казался ему слишком примитивным. В результате появилась книга «Поклон — пению. Тридцать шесть вариаций на темы чувашских и татарских народных песен», напечатанная в Париже ротاپринтным способом маленьким тиражом одним из друзей поэта. В настоящее время Г.Н. Айги — обладатель Государственной премии Чувашии, председатель международного редакционного совета журнала «Лик Чувашии», признанный современный классик чувашской литературы. Его поэтическая, переводческая, редакционно-издательская деятельность все больше и больше связана с Чувашией. *«Признаюсь, что в моем теперешнем возрасте невыносимо тянет на родину. Кажется, еще немного, и я насовсем уеду в свою деревню... Уйти из своей культуры окончательно — в этом была бы какая-то ограниченность, пустота. Приходится возвращаться»* (14, с.30).

Анатолий Ким в 1989 г. впервые побывал в Южной Корее, куда его пригласили на корейский этнический фестиваль. Для писателя это оказалось значитель-

ным событием в жизни. Его поразило то внимание, которое в Корее уделяют своей диаспоре. *«Они первые приехали, нашли меня. Я еще в Корею не успел приехать, а там уже появились газеты с моим портретом и с публикацией на весь разворот под названием «Анатолий Ким — писатель корейского мира». Я в то время по-корейски и говорить-то не умел, давно все забыл. Приехавшие со всего света корейцы вспомнили, что они корейцы, и я тоже вспомнил... Я всю жизнь прожил среди русских и русским уже себя считал. И это действительно было так. И вдруг, приехав в Корею, я понял, что я не только русский, почувствовал свои этнические корни, узнал свою родословную»* (15).

Сейчас Анатолия Кима с Кореей связывают регулярные деловые и творческие контакты, где уже появились его ученики. Часть из них продолжила свое образование в России. Писатель является почетным членом нескольких объединений и ассоциаций корейцев, в том числе и Ассоциации корейцев в России. В 1997 г. он выступил одним из организаторов Поезда Памяти печальной даты — 60-летия депортации корейцев с Дальнего Востока.

Глубокие, ранее неведомые переживания испытал Александр Городницкий, в 1990 г. впервые посетивший Израиль. *«...Объездив весь мир, понял, что кроме России есть еще одна земля, которую я могу считать своей, — это Израиль. Я не могу этого объяснить... Я, старый человек, вдруг остро и больно ощутил, что это моя земля. Мне очень понравилось в этой стране. Я понял две вещи. Первое, что это земля моих предков. Я счастлив, что мой сын и мои внуки будут жить там и это будет их родина. Второе — это то, что мне там делать нечего. Не потому что для меня там нет работы как для профессора, а потому, что я повязан с русским языком и русской литературой»* (11, с.60-61). В творчестве А.М. Городницкого остался «израильский след» в виде новых книг «Гостевая виза» и «Остров Израиль».

Евдокия Гаер, появившаяся в Москве на политической арене в 1989 г. в качестве народного депутата Верховного Совета СССР, воплощала в себе образ малочисленных северных народов. Ее политическая неискушенность, открытость, доверчивость, страстность в отстаивании интересов тех народов, которые она представляла, снискали ей широкую известность. В 1996 г. на X Всемирном конгрессе, посвященном здоровью приполярных народов, впервые за 40 лет существования конгресса членом Совета конгресса избрали представителя малочисленных народов России. Этим представителем стала Е.А. Гаер. На вопрос о том, как она поддерживает связь со своим народом, Евдокия Александровна ответила: *«Я просто с ними никогда не расставалась, даже находясь вдали. Все их проблемы — мои проблемы. Для меня нет сейчас только одного моего, нанайского, народа. А саамы, а ненцы, а энцы, юкагиры, кеты? Их болячки — это мои болячки. Но часто мне бывает плохо, потому что им трудно чем-то помочь. Стараюсь делать, что могу»* (25).

Алексей Томтосов, будучи еще работником аппарата ЦК КПСС, в 1991 г. инициировал создание в Москве «Якутского дома» и стал его первым президентом. Правда, московская община «Якутский дом» была сформирована на региональной, а не на моноэтнической основе. Ее членами могли стать люди любых национальностей, когда-либо проживавшие в Якутии, а ныне ставшие москвичами и жителями Подмосковья. В этом смысле А.А. Томтосов остался верен себе, отрицая консолидацию только на внутриэтнической основе.

Т.С. ГУЗЕНКОВА

Гуманитарная интеллигенция нерусской национальности в Москве:
проблема идентичности

«Мне знакомо ощущение второсортности...»

Как выяснилось, большей части интервьюируемых хорошо знакомо чувство этнической ущемленности и второсортности. Последняя характеристика довольно часто фигурировала в беседах.

Давид Джавоев: *«Мое этническое происхождение в некоторых жизненных ситуациях оказывалось препятствием. Во всяком случае мне знакомо ощущение второсортности. Я испытывал это ощущение в Грузии и в России. В любой стране мира оно будет витать надо мной. Это неприятный момент в нашей реальности, мы пытаемся с этим бороться, но одни мы ничего не сделаем. Мне кажется, что многие и не заинтересованы в ломке негативных стереотипов. Между нами и всем цивилизованным миром стоит преграда. Я ее чувствую. Свои не могут поддержать, а чужие не подпускают. Мы застряли посередине. С одной стороны, уже не можем причислить себя к основной массе своих, так сказать, соплеменников, которые отгорожены от всего остального мира, с другой, — попасть в другой мир, другую цивилизацию и стать там своими мы также не можем»* (26).

Играф Йошка: *«Зайдите в милицию и спросите, кто такие цыгане. Вам там все расскажут. А что касается меня лично... Я — артист. Когда я выступаю на сцене, я нравлюсь, мне аплодируют. А коснись чего-нибудь серьезного, — все, ты уже там не участвуешь, ты никому не нужен. Вы видели хоть одного цыгана в Думе? Евреев там много, каких хотите национальностей, только не цыган»* (27).

Анатолий Ким: *«Свою национальность мне пришлось переживать всю жизнь. Хотя у нас и провозглашалась дружба народов, но вот — Дальний Восток. Корейцев выселили, их заменили переселенцы более позднего периода. На Сахалине остались корейцы, брошенные японцами после второй мировой войны. Но все советские жители Сахалина и Камчатки получали надбавки, а корейцы не получали. Они экономически были людьми второго сорта, и отношение к ним было такое»* (15).

Александр Городницкий: *«Никакой национальной ущербности по работе я не чувствовал, мне везло на порядочных людей. Но это то, что касается науки. То, что относится к литературе, — все как раз наоборот. Меня не печатали, сначала не приняли в Союз писателей в Ленинграде. Очень важную роль в этом сыграло то, что я еврей... Мои книжки выкидывали из издательства «Современник» из антисемитских соображений. Так что моя первая книжка «Атланты» вышла в 1967 г., вторая — в 1972 г. в Ленинграде, а третья появилась спустя 12 лет в Москве. И когда в эти годы я пытался, допустим, пойти к главному редактору, мне друзья говорили: «Ты с ума сошел. Они увидят твою еврейскую морду и вообще печатать не будут»... Здесь, в Москве, входя в метро, в автобусы, куда угодно, я не всегда могу избавиться от взглядов, от ощущения опасности, хотя ничего не сказано. Но настороженность, понимание того, что ты чужой, присутствуют»* (11, с.59-62).

Сергей Арутюнов: *«Я с ужасом смотрю на ту практику режима апартеида, которая сейчас разворачивается на улицах Москвы. Милиция останавливает людей с кавказской внешностью. Они на каждом шагу подвергаются необоснованным задержаниям, всевозможным унижениям, ущемлению прав личности. Все это вызывает у меня глубокое возмущение. Но лично я, может быть, в силу своего теперешнего возраста таким действиям не подвергался. Правда, отдельные, в общем, несущественные моменты бывали. Я, например, знаю, что один из ныне покойных членов Отделения исторических наук РАН высказывался, когда моя кандидатура бал-*

лотировалась на пост директора Института этнологии: «Хватит нам одного директора-армянина, нечего еще одним обзаводиться». Имелся ввиду Александр Аганович Чубарьян — директор Института всеобщей истории» (21).

К счастью, при всей своей негативности и разрушительности, чувство этнической несправедливости и ущемленности способно при определенных обстоятельствах стать своеобразным фактором личного самоутверждения и творческой активности. Впрочем, никакими аргументами нельзя оправдать положение, при котором личность может испытывать комплекс неполноценности только потому, что не принадлежит к этническому большинству.

Современная этническая ситуация и национальная политика в России вызывает у респондентов озабоченность и даже опасения, особенно усилившиеся в связи с эскалацией вооруженных конфликтов.

Для Фазиля Искандера личной трагедией и источником творческого кризиса стал абхазско-грузинский вооруженный конфликт. «Война подвергла меня страшным испытаниям, я в буквальном смысле потерял людей, которых знал. Потом разрушение Абхазии — все это меня страшно угнетало, до болезни... Я умолял обе стороны прекратить полемику. Но этого не случилось. Чем это все кончится, сейчас трудно сказать» (13, с.43).

Геннадий Айги считает: «В связи с Чеченской войной произошла ужасная вещь. Появились и шовинизм, и имперский национализм, которых раньше в моем окружении не было. Сейчас я чувствую себя в Москве и в России не очень уютно... Чечня дала нам понять то, что есть целые народы и отдельные люди первого сорта и второсортные... Русское православие ведет себя имперски и шовинистически. У церкви не нашлось ни одного слова против этой бойни. Москва все больше становится городом с имперскими признаками... Сейчас мне тем или иным способом дают понять, что я не русский» (14, с.34).

Евдокию Гаер тяготит и глубоко беспокоит то равнодушие, которое она встречает в правительственных органах, куда она обращается с просьбами решить сложные и жизненно важные проблемы малочисленных народов Севера. «Когда я обращаюсь к международному сообществу, к северным народам мира, меня понимают, готовы поддержать. Обращаюсь к нашему правительству — меня не хотят слышать. За рубежом доклады об обычаях, о духовной культуре, о народной медицине, об искусстве воспринимаются с огромным интересом. А нашим сегодня ничего этого не надо. Но так не должно быть!» (25).

Алексей Томтосов, профессиональный политик, по долгу службы занимающийся вопросами российской национальной политики, также критически относится ко многому из того, что характеризует эту сферу. «Сегодня складывается такая ситуация, что национальную политику пытаются задвинуть на задворки даже в нашем министерстве... Я хочу, чтобы пришло понимание того, что национальная политика — одно из основных направлений деятельности правительства; чтобы национальная политика не зависела от настроения министерства финансов. Минфин даст деньги, значит и политика будет, а не даст — и политики никакой нет. Этот абсурд, к сожалению, присутствует. Многие не хотят понять, что национальные проблемы существуют. Приведу пример. В 1957 г. Ричард Пайсер в предисловии к переводу «Истории государства Российского» Карамзина писал, что Российская империя просуществует еще лет сорок, а затем под напором национальных противоречий и экономических трудностей распадется. Он ошибся на семь лет. Збигнев Бжезинский в 1977 г. утверждал, что есть два фактора в борьбе с

Т.С. ГУЗЕНКОВА
Гуманитарная интеллигенция нерусской национальности в Москве:
проблема идентичности

Советским Союзом — это стимулирование экономической отсталости и межнациональных противоречий. В своей последней книге «Дипломатия» он пишет о том, что если продлится период экономической нестабильности и межэтнических противоречий, то Российской Федерации скоро не будет. Это глобальная опасность, которую многие не хотят видеть, в том числе и в Минфине» (12).

Вероятно, почти все мои собеседники в настоящее время достигли пика в творчестве и карьере. Большинство из них приобрело международную известность. Каждый из них своей созидательной деятельностью, результатами своего творчества хотя бы немного изменил мир к лучшему. Российская культура была бы беднее без романа-трилогии «Сандро из Чегема» и гуманистической публицистики абхаза Фазиля Искандера, без стихов и переводов чуваша Геннадия Айги, без романсов цыгана Играфа Йошки, без стихов и песен еврея Александра Городницкого, без живописи курда Калихана Джавоева, без прозы корейца Анатолия Кима, без работы татарина Наиля Биккенина на посту главного редактора известного российского журнала «Свободная мысль», без исполнительского искусства украинки Галины Чернобы. Заметный вклад в российскую науку внес своими трудами армянин Сергей Арутюнов. Нанайка Евдокия Гаер своей депутатской деятельностью привлекла внимание мировой общественности к проблемам и нуждам малочисленных народов российского Севера. Якут Алексей Томтосов на посту заместителя министра пытался претворить в жизнь идеи оптимизации межнациональных отношений в России.

Всем этим людям присущ гуманизм, их отличает выраженная российская гражданская идентичность и патриотизм. Всю свою оставшуюся жизнь они связывают с Россией. *«За границей я не нужен. Туда я приехал и уехал. А в России я обязан быть и переживать ее судьбу, насколько это возможно»,* — эта мысль, высказанная Г.Н. Айги (14, с.34), так или иначе присутствует у всех участников опроса.

Можно считать большой удачей, что все эти люди живут и трудятся в Москве, что Москва не отвергла их, когда каждый из них по своим соображениям приехал в столицу, что она стала их вторым домом и что они чувствуют Москву своею не только, да и не столько в качестве постоянного места жительства, а в качестве той культурной среды, где они обрели свое собственное место в жизни и смогли сказать людям то, что они сказали.

В конце концов

Беседы с представителями столичной научно-гуманитарной и художественной интеллигенции этнических меньшинств, этнологический анализ их творчества и общественной деятельности дают основания полагать следующее.

Хотя Москва в этническом отношении является преимущественно русским городом, ее нельзя назвать «плавильным котлом», в котором полностью унифицируются и русифицируются все иноэтничные элементы, входящие в нее. Москва, как один из крупнейших мировых мегаполисов, представляет собой гораздо более сложную социально-культурно-этническую и языковую среду, которая дает определенный простор для выявления и развития творчества столь разных людей.

В том, что в своей жизни добились интервьюируемые, содержится личная

инициатива и активность, элемент авантюризма (в старинном значении этого слова) и стремление к творческому созиданию, момент случайности и везения. Но эти достижения — еще и результат социального управления этнокультурными процессами советской и отчасти постсоветской эпохи. Тот простор, который имели для самореализации эти творческие личности, при всех сложностях статуса представителя этнического меньшинства, свидетельствовал о том, что в обществе сохранились здоровые интернационалистские традиции. В этом отношении можно отчасти согласиться с мнением Ф. Искандера, говорившего о том, что *«русский человек исторически выработал привычку межнационального общения. Если и приходилось когда-либо мириться с тем, что Россия — многонациональная страна, то с этим уже давно примирились. Советская пропаганда тоже играла свою роль. Делая какие-то чудовищные исключения — выдворение народов, борьба с так называемым космополитизмом, — она изначально исходила из принципа равенства наций»* (13, с.41).

Тем не менее иноэтничность в сочетании с провинциализмом составляли столь серьезную преграду для успешной столичной карьеры, что преодолеть ее могли в прошлом и могут сейчас по преимуществу сильные и целеустремленные люди. Кроме того, со временем не исчезли, а в ряде случаев даже усилились душевные тревоги и чувство уязвимости в связи с жизнью в иноэтничной среде. В управленческом смысле это должно быть сигналом, побуждающим ответственные за национальную политику органы сделать необходимые шаги в сторону той социально-этнической группы, о которой здесь говорится.

Представленные здесь жизненные истории 12 москвичей обнаруживают, что в последнее десятилетие их этнические чувства заметно обострились и наполнились новым содержанием. Усиление внимания к своему этническому происхождению, «уплотнение» связей с этнической родиной, активизация общественной этнокультурной деятельности — примета постперестроечного времени, которая сказалась и на тех людях, с которыми я беседовала.

Вместе с тем не следует абсолютизировать роль этнического фактора (происхождения, языкового поведения, этнической идентичности и т.п.) в жизни этих интересных и многогранных людей. По роду своей деятельности они вовлечены в интер- или межэтническое общение. Кроме того, каждый из них занимает маргинальное положение, находясь на стыке различных культур — русской, важных элементов мировой и, наконец, собственных этнических культур. Эта маргинальность придает неповторимость их творчеству и мироощущению, обогащая культурную жизнь Москвы и России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например: Гузенкова Т.С. Калмыцкая творческая интеллигенция: проблема осознания и воспроизводства национального своеобразия // Калмыки: перепутье 1980-х. Проблемы этнокультурного развития. М., 1993; Гузенкова Т. Синдром положительного примера // Свободная мысль. 1993. N 3; Гузенкова Т.С. Проблема самоидентификации национальной интеллигенции республик Поволжья и Приуралья // Конфликтная этничность и этнические конфликты. М., 1994; Гузенкова Т. Ностальгия по ненаписанной истории // Свободная мысль. 1997. N 8 и др.
2. Этносфера. Межнациональное образование в зеркале России и мира. М., 1998. N 1.

Т.С. ГУЗЕНКОВА

***Гуманитарная интеллигенция нерусской национальности в Москве:
проблема идентичности***

3. Пульс. Общественное мнение, социологические исследования. Вып. 3. М., 1998. С.6-10.
4. Государственная школа многонациональной и поликонфессиональной Москвы // Материалы к научно-практической конференции 5 декабря 1996 г. М., 1996. С. 10.
5. Милькин И. Пятый пункт//Рассказы. М., 1991; Браславский Леонид. Я — русский еврей. М., 1995; Евреи в русской культуре. Справочник / Редактор-сост. Козак А.Ф. М., 1996; Козак А. Одесса здесь больше не живет...// Библиотечка газеты «Гарбут», 1997; Кобенков А. Еврей антисемитского происхождения // Труд. 1996. 13 сент.; Тополь Эдуард. Во что верят евреи // Аргументы и факты. 1997. N26.
6. Аргументы и факты. 1998. N38.
7. Смирнов Андрей. Градский учит Кобзона сильнее любить русских // Труд. 1998. 4 июня.
8. Моисеев Игорь. Я вспоминаю... Гастроль длиною в жизнь. М., 1996.
9. Журин Анатолий. Кумир болельщиков и меломанов // Труд. 1997. 12 марта.
10. Елена Егорова. «Пятый пункт» Амангельды Тулеева // Московский комсомолец. 1996. 22 ноября.
11. Городницкий А. Русский поэт еврейской национальности (Беседу вела Т. Гузенкова)// Свободная мысль. 1997. N 9.
12. Интервью с А.А. Томтосовым (архив автора).
13. Искандер Ф. Психику свою я изменить не могу (Беседу вела Т. Гузенкова) // Свободная мысль. 1997. N 3.
14. Айги Г. В России я обязан быть и переживать ее судьбу... (Беседу вела Т. Гузенкова) // Свободная мысль. 1997. N7.
15. Интервью с Анатолием Кимом (архив автора).
16. Ким Анатолий. Нефритовый пояс//Повести. М., 1981.
17. Интервью с Сергеем Арутюновым (архив автора).
18. Городницкий А.М. И вблизи и вдали. М., 1991.
19. Интервью с Галиной Чернобой (архив автора).
20. Городницкий Александр. Остров Израиль. Иерусалим, 1995. ,
21. Интервью с Сергеем Арутюновым (архив автора).
22. Интервью с Наилем Биккениным (архив автора).
23. Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры) / Под ред. Арутюнова С.А. и Маркаряна Э.С. Ереван, 1983.
24. См., напр.: Арутюнов С. Кавказская война в России — прошлое и настоящее (Интервью П. Смирин) // Новое Русское слово (Нью-Йорк, США). 1994. 17 июня; Арутюнов С. Швейцарская модель для гор Кавказа // Новый Вавилон. 1995. N1; Арутюнов С. Историческая память Чечни // Новое время. 1995. N29 и др.
25. Интервью с Евдокией Гаер (архив автора).
26. Интервью с Калиханом и Давидом Джавоевыми (архив автора).
27. Интервью с Играфом Йошкой (архив автора).